

— Кто дал тебе лекарство?

Ли Ипин, едва успокоившийся, снова напрягся:

— Лекарство... я сам купил!

Чжоу Синчжан, наблюдая за Ли Ипином, который старался казаться уверенным, прислонился к стене и с усмешкой посмотрел на него сверху вниз:

— Ты думаешь, твои навыки лжи так хороши, или я совсем безнадёжный дурак?

— Я...

— Если не хочешь говорить, уходи. Я сам всё узнаю, просто это займёт время. Решай.

Ли Ипин, глядя на равнодушного Чжоу Синчжана, почувствовал дрожь в сердце. В конце концов, он решил признаться:

— Это... это Чжо Юэ дал мне...

Чжоу Синчжан рассмеялся, и его смех заставил Ли Ипина похолодеть. Тот поспешно попрощался и ушёл.

Чжоу Синчжан действительно не ожидал, что это будет Чжо Юэ, но это было интересно. Старый друг... он запомнит этот счёт.

Состояние Цзи Аня продолжало ухудшаться, он несколько раз оказывался в реанимации. В день Праздника фонарей ему стало немного лучше: он даже сел и съел два юаньсяо. Однако через два дня у него снова остановилось сердце. После реанимации врач, осмотрев его, покачал головой и вышел вместе с медсестрой.

Чжоу Синчжан смотрел на Цзи Аня, в его глазах читалась тревога. Чжоу Чжоу, прижавшись к кровати, плакал, понимая, что происходит. Чжоу Синчжан погладил голову ребёнка, затем посмотрел на Ци Чжэня, стоящего по другую сторону кровати. На его холодном лице он уловил скрытую печаль — не ту, что должна быть при потере малознакомого старшего друга.

Он позвал Ци Чжэня сегодня исключительно по интуиции, и, похоже, она его не подвела.

Губы Цзи Аня слегка зашевелились, и все трое наклонились, чтобы услышать, как он произносит имя «Ичжан». Чжоу Синчжан замер. Это было настоящее имя Цзи Вэйгу. Он не знал, пришло ли Цзи Аню осознание в последние минуты, но человек на грани смерти повторял имя своего любимого ребёнка. Однако никто из присутствующих не отреагировал.

Цзи Чжэнь, когда голос Цзи Аня стал слабеть, взял его худую руку и ответил:

— Да, я здесь.

Цзи Ань слабо пошевелил пальцами:

— Ичжан...

— Да.

— Ты вернулся?

— ...Вернулся.

Цзи Ань слегка приоткрыл глаза, на его лице появилась едва заметная улыбка. Он сжал руку Цзи Чжэня последними силами, словно освобождаясь от груза. Две слезы скатились по его щекам, оставляя следы на ещё чёрных висках, полные боли и борьбы.

Всё закончилось.

Чжоу Чжоу, поглощённый горем, не заметил происходящего, но Чжоу Синчжан не упустил ничего. Он смотрел на Цзи Чжэня, и ему казалось, что тот ответил не просто ради исполнения последнего желания Цзи Аня...

Похороны Цзи Аня прошли скромно. На них присутствовали только члены семьи Чжоу и несколько друзей братьев, которые знали Цзи Аня и были с ним знакомы.

После церемонии все разошлись. Чжоу Синчжан, подойдя к машине, заметил, что Цзи Чжэня нет. Немного подумав, он передал Чжоу Чжоу Чжоу Цзинсину и попросил их ехать домой.

Чжоу Цзинсин, наблюдая за возвращающимся братом, ничего не спросил. Если тот хочет побыть наедине с памятью, пусть будет так. Цзи Ань для Чжоу Синчжана был не просто отцом его бывшей жены.

Чжоу Синчжан вернулся к могиле и, как и ожидал, обнаружил Цзи Чжэня, всё ещё стоящего там. Он подошёл к надгробию:

— Ты ещё не ушёл?

Цзи Чжэнь взглянул на него:

— Останусь ещё ненадолго.

Чжоу Синчжан коснулся надгробия:

— Ты скажешь, что пришёл посмотреть на отца Вэйгу?

Ци Чжэнь не подтвердил и не опроверг, лишь молчал.

Чжоу Синчжан и Ци Чжэнь стояли перед могилой Цзи Аня. Чжоу Синчжан, глядя на имя на камне, произнёс:

— Ци Чжэнь, ты знаешь, что Цзи Ань — отец Вэйгу. Но знаешь ли ты, что он значил для меня?

— Что?

— Он был не просто отцом Вэйгу. Он был... тем, что напоминало мне о Вэйгу. — Чжоу Синчжан усмехнулся. Он всегда думал, что, пока жив Цзи Ань, он сможет удержать часть Цзи Вэйгу. Но реальность была такова, что Цзи Вэйгу уже нет, и каждый, кто помнит его, становится драгоценностью.

Ци Чжэнь замер, затем медленно произнёс:

— Смерть Цзи Аня — это благо?

— Благо? — Чжоу Синчжан удивился. Как смерть может быть благом?

— Он жил, ничего не помня, как и Вэйгу. Смерть... для них была освобождением. — Ци Чжэнь предположил, что улыбка Цзи Аня перед смертью означала нечто большее. Может быть, в какой-то момент он вспомнил всё.

Цзи Ань не боялся смерти. Для него это был конец серой жизни.

Чжоу Синчжан, глядя на едва уловимую горькую улыбку на лице Ци Чжэня, нахмурился. Он мало знал о прошлом Цзи Аня, но о Цзи Вэйгу знал почти всё. Возможно, когда Цзи Вэйгу выбрал смерть, он думал так же.

Он хотел удержать Цзи Аня, но не понимал, что каждый день его жизни, казавшийся беззаботным, был наполнен... болью.

Боль сжала сердце Чжоу Синчжана. Он думал, что знает Цзи Вэйгу, но в конце концов понял, что был никем. То, что Цзи Вэйгу рассказывал ему, было лишь крошечной частью правды. Возможно, он никогда не был в его сердце, и даже слова, сказанные в минуты близости, были лишь способом завоевать его доверие.

Заметив, что Чжоу Синчжан теряет самообладание, Ци Чжэнь сделал паузу и положил руку

ему на плечо:

— Если бы... Вэйгу был жив, он бы считал, что жить — это хорошо. Ведь есть те, ради кого стоит жить.

Чжоу Синчжан посмотрел на него:

— Ради кого? Кроме мести, что его волновало?

Ци Чжэнь встретил его взгляд:

— Ты. Чжоу Чжоу. Разве этого недостаточно?

Чжоу Синчжан усмехнулся:

— Откуда ты знаешь?

— Догадываюсь.

— Догадываешься... — Чжоу Синчжан пробормотал, затем внезапно рассмеялся, прислонился к надгробию и медленно опустился на землю. На его лице читались растерянность и горечь.

— Если бы он хоть немного заботился о нас, он бы не ушёл с Чжоу Илином, не сказав мне ни слова!

Ци Чжэнь смотрел на Чжоу Синчжана, его рука дрожала. Он уже сказал слишком много. Чжоу Синчжан не глуп, и чем больше он говорит, тем больше выдаёт себя. Но в этот момент он вдруг захотел раскрыть всё, хотя сейчас было не лучшее время.

Его колебания растянули тишину, пока сумерки не окутали всё вокруг. Они не произнесли ни слова, пока Чжоу Чжоу не позвонил, чтобы забрать Чжоу Синчжана домой.

Дома Чжоу Синчжан не стал ужинать, отправив Чжоу Чжоу спать с Чжоу Цзинсином, а сам ушёл в свою комнату.

Чжоу Цзинсин, обняв Чжоу Чжоу, который хотел пойти к отцу, вздохнул, глядя на спину брата. Цзи Ань и Чжоу Чжоу были связующими нитями между Чжоу Синчжаном и Цзи Вэйгу. Теперь одна из них оборвалась, и он надеялся, что Чжоу Чжоу... вырастет здоровым и счастливым.

Когда Чжоу Чжоу повзрослеет, возможно, его брат... наконец сможет отпустить прошлое.

Чжоу Синчжан лежал на кровати, устремив взгляд на узоры на потолке. Дверь тихо открылась, и он, не глядя, понял, кто вошёл:

— Я же сказал, спи с дядей.

Чжоу Чжоу закрыл дверь и подошёл к кровати:

— Папа...

— Да.

— Дядя... дядя ушёл, и мне очень грустно. Но... я знаю, что тебе ещё тяжелее. Папа... пожалуйста, не грусти слишком сильно...

Чжоу Синчжан помолчал, затем поднял ребёнка и усадил его себе на грудь, поддерживая за плечи:

— Да, мне грустно из-за дяди, но не переживай, через несколько дней всё пройдёт.

Чжоу Чжоу, опершись на грудь отца, с покрасневшими от слёз глазами, хрипло произнёс:

— Дядя... дядя сказал мне, что не боится смерти. Он сказал, что смерть — это хорошо... Я не понимаю, почему...

Почему.

Чжоу Чжоу не понимал, но Чжоу Синчжан знал, что Цзи Вэйгу... тоже должен был это понять.

<http://bllate.org/book/15442/1369623>